

Какое правдо - 1993 - 1 апр

А. Ширвиндт: Я люблю вареный лук. Представляете, какой ужас?

Сегодня театр Антона Чехова представляет свою премьеру: спектакль по Б. Слэйд «Чествование». Прекрасная компания театральные звезды — Михаил Державин, Лариса Голубкина, Вера Алентова, Татьяна Догилева. И среди их персонажей — странный человек Скотти, от которого все сходит с ума.

Это, естественно, актер Александр Ширвиндт.

— Александр Анатольевич, большие актеры — хорошие люди?

— Не-а. Редко. Глупые в основном. Профессия такая

— Многие «звезды», выезжая в провинцию, ставят условие: во время гастролей жить в представительном особняке, ездить не меньше чем на «Чайке»...

— Я лично сейчас из гостиницы в театр хожу пешком. Понимаешь, почему? Не понимаю? Потому, что театр через дорогу.

— Говорят еще, актерам пить приходится?

— Пьют очень много. Актеры или пьют по-настоящему, или завязывают, вшивают себе ампулу. Эмоции, перепады.

— А вы что пьете?

— Только водку.

— Сейчас на телевидении так много питейных шоу. Мишин с Кабаковым под бутылочку расспрашивают гостя, Жигунов собирает «звезд» в изобилии питья и еды...

— Это и есть шараханье из одной стороны в другую. И еще, по-моему, это просто отмывание чьих-то денег. Миллионеров-то теперь много. Один благотворительствует Дому сирот, другой Дому ветеранов сцены, третий теат-

рик какой-то поддерживает — это все какие-то страховочные отмазки, мне так кажется. Все это тянут на телевидение и нас зовут. Нет, они все лезут на экран. Тщеславие. Вот он награбастал денег, что дальше? А дальше хочется, чтобы об этом знали. Раньше меценатами были образованнейшие люди. А сейчас — он и в театре ни разу не был, глядишь — меценат.

— И что, все театры так голодают?

— Ну, в столице у Марика Захарова — лучшее положение. У него мощный концерн — и «Задворки», и это, и то — у него современная формация, а не старческая. Плутчик, Гончаров — это же довоенное поколение, даже Ефремов, они хотели бы влезть в новые экономические отношения, но уже не могут. Захаров тоже не мальчик, но все-таки другая волна. А вообще, сейчас ставить нечего, жить не на что... Театр Сатиры! Как сейчас переострится заседание Верховного Совета — это же утопия! Какая сейчас может быть сатира?

— Ну а «за бугром» на что катят, там какая сатира?

— А там нет сатиры.

— Там — просто юмор?

— Конечно. Наш бывший

соотечественник Яша Смирнов, который был масовиком-затейником в Одесском пароходстве, — в Штатах первый комик, любимец Рейгана! А что это такое? Это — анекдоты. Перелопаченные наши: или политические, или про задницу.

Яша же наш милый еврейский мальчик, который уехал туда с прекрасным знанием английского. Сразу отрешился от эмиграции. Нельзя же переезжать из Одессы в Нью-Йорк и поселиться в той же «Одессе» — на Брайтоне. Что чаще и происходит. Когда с жителями Брайтона начинают говорить по-английски, они обникаются: «Шо такое?». И в Израиле та же история, многие просто не хотят учить язык. А есть люди, которые пытаются порвать со старым, выйти из этой культуры, из этого языка, из этой ностальгии и войти в эту цивилизацию. Это дико трудно. Вот Яше Смирнову это удалось.

— А вы с Козаковым общались? После принятого им решения уехать?

— Я с Козаковым общался до принятия решения, во время принятия решения, после принятия решения, и там тоже общался.

— Ну и как он там?

— Козаков человек рискованный. Он все сделает, чтобы доказать, что отъезд был правильным.

Раньше-то уезжали втемную, куда-то в рай, а сейчас оттуда пошла очень серьезная информация. Все мотаются в гости, рассказывают. И люди стали понимать, как трудно там зацепиться. 95 процентов преуспевающих в первые годы прошли через посудомойку, такси и т. д.

— Вот одни уезжают. Другие уходят: Миронов, Богаты-

рев, Бурков... Что за время настало?

— Ну, трагические случаи с Юрой, с Андреем — это ужасно, а вообще просто подходит время нашего поколения. Женя Евстигнеев, через три дня — Петя Шербаков. Сейчас плотно мрут не те.

— А где-то писала, что вы, снимаясь за границей, получали меньше, чем кот, который сидел у вас на плече. Это шутка такая?

— Какая шутка! Взяли на съемки кота потрясающих кровей — у него в клетке бархатная подстилка, сам он с этого стол, корм разнообразнейший. Двести долларов он стоил за съемочный день.

— А вы?

— Тридцать. Я привык: кот, змея, таракан — все же больше меня будут получать. Это же их таракан, с их гражданством, а я?

— Александр Анатольевич, кто ваши соседи по дому?

— Я живу в высотном доме на Котельнической набережной — первом сталинском доме. Там жили Жаров, Равенская, Лукьянов. До сих пор здравствуют Ладынина, Лучко, Мордюкова... В моей квартире жил пятый сын какого-то генерала НКВД с двумя женами, он со мной сделал обмен. Так я и оказался в этом удивительном доме, о котором можно писать книгу.

— И как, к соседям ходите за солью, за спичками?

— Хожу, соль кланчу. У меня есть пунктик — я люблю вареный лук, представляешь, какой ужас? Я не знаю ни одного человека, чтоб любил этот лук — все его выбрасывают, я — обожаю. Весь подъезд сварит щи и несет мне вареный лук...

Беседовал
М. ФАЙНШТЕЙН.